

ЯДЕРНАЯ ИНТРИГА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

ПРИВЕДУТ ЛИ ПЕРЕГОВОРЫ К РЕШЕНИЮ?

Ключевые слова: КНДР, ядерная проблема, шестисторонние переговоры

Только за последние 4 года Совет Безопасности ООН принял три жесткие резолюции в связи с осуществляемой в КНДР ракетно-ядерной программой. Сложившаяся ситуация также стала предметом диалога российского руководства с Пекином, Вашингтоном и другими столицами. «Большая восьмерка», саммиты Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АРФ) – вот далеко неполный список площадок, на которых корейскому сюжету уделяется пристальное внимание.

Однако и сейчас северо-корейская ядерная проблема столь же далека от своего решения, как и в 1992 г., когда она впервые появилась на горизонте международных отношений.

УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ ПЕРЕГОВОРОВ

В декабре 2008 г. в Пекине завершилась последняя встреча стран-участниц шестисторонних переговоров по корейской ядерной проблеме на уровне глав государств. По ее итогам даже официальная китайская пресса была вынуждена констатировать, что диалог не только оказался безрезультатным, но по сути зашел в глухой тупик.

Весьма характерно, что в отличие от предыдущей июльской встречи 2008 г. сторонам не удалось даже принять совместный документ, а заключительное заявление китайского председателя было на редкость лапидарным и обтекаемым, не позволяющим составить хотя бы приблизительное представление о ходе дискуссии и позициях участников. Главное же – сторонам в силу разделяющих их противоречий и разногласий так и не удалось выработать взаимоприемлемые договоренности насчет дальнейшего движения вперед по пути денуклеаризации.

Естественно, возникает вопрос, в чем же дело и по какой

А.В. ВОРОНЦОВ

Кандидат исторических наук

П. АГАЛЬЦОВ

Северокорейская ядерная проблема стала в последние годы предметом повышенной озабоченности со стороны мирового сообщества и постоянной темой обсуждения как в многостороннем формате, так и в ходе двусторонних контактов между заинтересованными государствами.

причине стартовавшие в августе 2003 г. шестисторонние переговоры, на которые возлагались большие надежды, дали в конечном итоге столь серьезную осечку.

В принятом 19 сентября 2005 г. на 4-м раунде Совместном заявлении было выражено согласованное всеми участниками понимание основных принципов и целей шестисторонних переговоров.

Важнейшими элементами этого документа стало взятое КНДР обязательство об отказе от ядерного оружия, всех существующих ядерных программ и возвращении в возможно короткие сроки в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Международное агентство по ядерной энергии (МАГАТЭ), а также заявление США об отсутствии намерений нападать на КНДР и о принципиальной готовности к нормализации двусторонних отношений с Пхеньяном. Участники переговоров заявили об уважении ими права КНДР на мирное использование ядерной энергии и согласились обсудить в будущем вопрос о предоставлении этой стране легководного реактора.

По итогам февральской (2007 г.) сессии «шестисторонки» был принят совместный документ, содержащий договоренность о первоначальных шагах в целях денуклеаризации Корейского полуострова.

Ее важнейшим элементом стало обязательство КНДР в сжатые

сроки остановить деятельность ядерных объектов в Ненбене (Йонбене), включая реактор-наработчик плутония и завод по переработке отработанного ядерного топлива, а также допустить на них инспекторов МАГАТЭ для осуществления необходимых проверок и мониторинга. Остальные участники переговоров договорились о мерах экономической и энергетической помощи КНДР.

Наряду с этим было согласовано создание 5 рабочих групп для обсуждения конкретных вопросов: денуклеаризации Корейского полуострова; экономического и энергетического сотрудничества с прицелом на оказание соответствующей помощи КНДР; механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии (под председательством России); нормализации двусторонних отношений КНДР с США и Японией.

Несмотря на возникновение проблемы размораживания счетов КНДР в банке Макао, заблокированных по инициативе США, дело постепенно двигалось вперед.

Выполняя взятые на себя обязательства, Пхеньян объявил о приостановке объектов своего ядерного комплекса в Ненбене (5-мегаваттного реактора, завода по производству топливных стержней, предприятия по переработке отработанного ядерного топлива (ОЯТ), стройплощадок реакторов в 50 и 200 МВт). Осуществление этих мер под контролем МАГАТЭ и предоставление Сеулом помощи Пхеньяну в размере 50 тыс. т мазута позволили подвести черту под начальным этапом денуклеаризации.

В октябре 2007 г. участники шестисторонних переговоров приняли новый документ, который содержал программу совместных действий на втором этапе денуклеаризации: вывод из рабочего состояния вышеназванных объектов; декларирование всех ядерных программ КНДР; выполнение политических обязательств США перед КНДР параллельно с действиями Пхеньяна в ядерной области (исключе-

Лидер КНДР Ким Чен Ир хочет «спать спокойно» под сенью собственных ракет и ядерных боеголовок.

ние Северной Кореи из списка стран-спонсоров международного терроризма, выведение этой страны из-под действия закона о торговле с враждебными государствами; продолжение усилий КНДР и Японии по нормализации двусторонних отношений с урегулированием нерешенных вопросов; осуществление поставок мазута и других видов компенсационной помощи).

Выполнение этих договоренностей шло со скрипом, причем трудности нарастали по мере перехода от решения относительно простых проблем к более сложным. Сроки выполнения обязательств постоянно нарушались; так и не удалось составить четкую «дорожную карту», в которой синхронизировались бы шаги на ядерном и «компенсационном» треках. По ходу дела стороны, в том числе Вашингтон и его союзники, «вбрасывали» на переговорах дополнительные требования или давали собственную интерпретацию достигнутым договоренностям, не отвечавшую точке зрения других участников.

Пытаясь воздействовать на других партнеров, прежде всего США и Японию, Пхеньян неоднократно объявлял о приостановке процесса вывода из строя ядерных объектов, то и дело возобновляя острую полемику со своими оппонентами.

И, тем не менее, при всех перипетиях переговорного процесса к концу 2008 г. были достигнуты определенные конкретные результаты.

Пхеньян распространил среди участников декларацию о своей ядерной деятельности, передал

американской стороне вспомогательную техническую документацию по ядерному комплексу в Ненбене и практически завершил (на 90%) работы по выводу из строя своих ядерных объектов. Россия и США предоставили КНДР по 200 тыс. т топочного мазута, а Китай - равнозначную по стоимости помощь энергетическим оборудованием и материалами в рамках обязательств по равному долевному участию в оказании экономической помощи КНДР (ее общий объем со стороны всех 5 партнеров должен был стать эквивалентным стоимости 1 млн т мазута). Вашингтон, в конечном итоге, выполнил обещания по исключению КНДР из дискриминационных списков.

Тем не менее, к концу 2008 г. стало очевидным, что шестисторонний процесс начал выдыхаться. Прежде всего, так и не удалось выполнить до конца задачи второго этапа, поскольку Южная Корея не предоставила свою долю компенсационной помощи КНДР в полном объеме, а Япония даже и не приступала к поставкам, ссылаясь на неурегулированность ряда проблем в двусторонних отношениях с КНДР³.

Во-вторых, наметились кардинальные расхождения по вопросу о том, какие меры и в какой последовательности следует осуществлять дальше - на заключительных этапах денуклеаризации. КНДР настаивала на предоставлении ей легководных реакторов, а также четких и надежных гарантий безопасности, т.е. устранения факторов военной угрозы в обмен на отказ от своего ядерного потенциала.

США же и их союзники требовали первоочередного (еще до начала 3-го этапа) осуществления широкого набора верификационных мероприятий в КНДР - фактически по типу инспекций в Ираке в 1991 г. В Пхеньяне категорически отказались от этого предложения как шага преждевременного, не включенного в список его обязательств по 2-му этапу денуклеаризации, реализация которого могла бы привести к вскрытию всей военной инфраструктуры страны.

На этом этапе, когда пекин-

ский диалог стал серьезно пробуксовывать, Пхеньян неоднократно посылал различные сигналы в адрес Сеула, Вашингтона и Токио с целью донести свою тревогу по поводу развития двусторонних отношений и шестистороннего процесса. Были и прямые предупреждения о том, что в случае продолжения игнорирования озабоченностей КНДР с её стороны последуют решительные меры.

Однако основные адресаты, по-видимому, предпочитали придерживаться принципов политики «благодушного игнорирования». В Сеуле, например, все предупреждения Пхеньяна стали называть не иначе как «пустыми угрозами» и «блефом»⁴.

РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС 2009 г.

Как это часто бывает, дефицит идей и практических шагов в направлении урегулирования при отсутствии переговоров ведет не просто к застою, а к дальнейшей деградации ситуации, при которой решение проблемы еще более усложняется.

Так, 4 апреля 2009 г. КНДР осуществила запуск ракеты-носителя. Хотя этот шаг был анонсирован как вывод на орбиту искусственного спутника Земли с исключительно мирными целями, реакция мирового сообщества была сугубо отрицательной: действия Пхеньяна были однозначно восприняты как очередное испытание межконтинентальной баллистической ракеты. За этим последовало принятие официального заявления председателя Совета Безопасности ООН, резко осудившего северокорейский ракетный пуск.

В дальнейшем события развивались в русле эскалации.

В ответ на демарш председателя Совбеза ООН КНДР заявила об окончательном и бесповоротном выходе из шестисторонних переговоров, а также о возобновлении работ по извлечению плутония из отработанных ядерных стержней из реактора в Ненбене и восстановлении своей ядерной инфраструктуры, ранее выведенной из рабочего состояния. И, наконец, 25 мая 2009 г. в нарушение резолюции 1718 СБ ООН Пхеньян провел очередное ядерное испытание (первое состоялось в октябре 2006 г.)⁵.

В свою очередь, Совбез ООН принял беспрецедентно жесткую резолюцию (1874 от 12 июня 2009 г.), которая предусматривала широкий набор финансово-экономических санкций, фактический запрет на торговлю с КНДР в области вооружений и военной техники, установление мониторинга за экспортно-импортными операциями Пхеньяна. Северокорейцы в долгу не остались: в сентябре было объявлено об успешном завершении экспериментов по обогащению урана и завершении цикла по наработке оружейного плутония⁶.

После майско-июньского всплеска напряженности дальнейшего развития ситуации по конфронтационной спирали все же удалось избежать, но инерция негативного разворота событий по-прежнему всерьез и надолго дискредитировала саму идею политико-дипломатического урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове.

Вашингтон и западный мир в целом, ссылаясь на положения резолюций СБ ООН, делает все для того, чтобы перекрыть кислород для северокорейцев, блокируя любые финансовые потоки в КНДР и из нее и отсекая доступ этой страны к международным финансово-банковским институтам.

Другой инструмент воздействия на «строптивца» - применение мер досмотра воздушных и морских судов, следующих в КНДР или оттуда при наличии информации или просто подозрений, что груз содержит предметы или материалы, запрещенные к ввозу или вывозу резолюциями 1718 и 1874. Такая практика уже применяется на деле. В июле 2009 г. северокорейцы под угрозой принудительной инспекции были вынуждены вернуть в порт приписки свое судно, следовавшее в Мьянму. Еще более примечательный пример с судном «АНЛ-Австралия», которое было задержано с грузом оружия, предположительно северокорейского производства, у берегов Объединенных Арабских Эмиратов. В декабре 2009 г. северокорейский самолет на том же основании был задержан в аэропорту Таиланда.

Как объясняется отказ Пхеньяна от переговоров и его переориентация на военно-силовой сценарий?

Японские и южнокорейские

политики склонны выделять и часто абсолютизировать одно - проблемы со здоровьем лидера КНДР, проявившиеся во второй половине 2008 г., и неизбежную, по их мнению, в ближайшее время смену руководителя государства, а то и развал страны под грузом накопившихся проблем. На этой почве появились многочисленные версии, основанные, как правило, на слухах и домыслах.

Суть их вкратце сводится к следующему. Резкое и необратимое ухудшение здоровья лидера Северной Кореи⁷ повергло руководство страны в шок и панику, поставило перед необходимостью в экстренном порядке сконцентрироваться на проблеме подготовки наследника в лице третьего сына Ким Чен Ира - Ким Чен Уна, - и организации процесса его выдвижения.

По логике авторов этих досужих рассуждений, в такой ситуации в северокорейском руководстве усилились позиции «ястребов», которые не преминули воспользоваться возможностью для ужесточения отношений с внешним миром, форсирования военных, в первую очередь ракетно-ядерных, программ⁸.

Вместе с этим в целях популяризации в качестве нового национального лидера молодого наследника срочно потребовались свершённые им во благо народа выдающиеся достижения. Такими и стали приписываемые ему прорывы в развитии ракетно-ядерных технологий: запуск космического спутника и второе успешное ядерное испытание, значительно укрепившие обороноспособность страны и приблизившие ее к цели превращения в «мощное и процветающее государство». Одновременно эти «ястребы» предвещают Северной Корее в свете грядущей смены власти крупные потрясения, внутриполитическую нестабильность и даже коллапс, к которому оппоненты Пхеньяна должны быть готовы, чтобы использовать его к собственной пользе.

Как представляется, есть более приземленная и правдоподобная версия причин, подтолкнувших Пхеньян к изменению его подхода к шестисторонним переговорам.

Видимо, в конце 2008 - начале 2009 г. северокорейское руководство произвело определенный пересмотр оценки развития обста-

новки на Корейском полуострове и вокруг него. Похоже, в Пхеньяне пришли к выводу, что внешнеполитическая ситуация изменилась в неблагоприятном для КНДР направлении.

Прежде всего, не оправдались расчеты на более конструктивный подход новой американской администрации Б.Обамы. В период президентской избирательной кампании в США в Пхеньяне возлагали серьезные надежды на кандидата от Демократической партии, который заявлял о необходимости налаживания прямого политического диалога между США и КНДР на высоком уровне в целях достижения реальных сдвигов в решении ядерной проблемы.

Однако эти обещания остались нереализованными. Более того, по мнению некоторых южнокорейских аналитиков, внешнеполитическая команда Обамы на фоне своих предшественников продемонстрировала снижение интереса к северокорейским делам по сравнению с предыдущими американскими администрациями, по сути не сумев сформулировать последовательную и изобретательную стратегию по вовлечению КНДР в переговоры по ядерному урегулированию⁹.

Содержание американского подхода укладывалось в довольно незатейливую формулу - «сначала реальные шаги по пути ядерного разоружения Северной Кореи, а там посмотрим, чем на это ответить». По утверждениям представителей МИД КНДР, анализ действий первых 100 дней нового президента убедил их, что позитивные сигналы существовали только на уровне риторики, не переходя в практику¹⁰. Да и сейчас Вашингтон продолжает занимать выжидательную позицию в рамках ныне модной концепции «стратегического терпения».

Пхеньян назвал проявлениями «неизменной враждебной политики» Вашингтона удвоение масштабов военных маневров у границ КНДР в марте 2009 г., прямые «выпады» в адрес политического строя и руководства республики, допущенные тогда же госсекретарем США Х.Клинтон в Токио и Сеуле в ходе ее восточноазиатского турне, и курс на консолидацию трехстороннего военно-политического партнерства Вашингтон - Токио - Сеул, традиционно имеющего

антисеверокорейскую направленность¹¹.

В результате заявленные новой администрацией США намерения поднять на качественно новый уровень двусторонние отношения с Пхеньяном на деле обернулись тем, что уже на старте своей деятельности демократы оказались вовлеченными в острый кризис на Корейском полуострове.

Во-вторых, по мнению Пхеньяна, в 2008 г. резко ухудшились межкорейские отношения: политический диалог на высшем и высоком уровнях был прерван, Сеул отказался от реализации крупных хозяйственных проектов, намеченных решениями второго межкорейского саммита в октябре 2007 г., обусловил возможность предоставления экономической помощи КНДР готовностью северокорейского руководства к безоговорочной денуклеаризации, а также выполнением целого ряда других политических условий¹². В итоге был сделан вывод, что новый президент РК Ли Мён Бак отказался от наследия своих двух предшественников - Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна, проводивших в отношении Севера политику в духе «солнечного тепла», «примирения и сотрудничества», и взял курс на «смену режима» в КНДР.

В-третьих, политическая ситуация для Пхеньяна коренным образом изменилась после принятия резолюции 1874 СБ ООН в июне 2009 г., одной из наиболее жестких в истории этой организации.

Случилось то, чего в КНДР опасались больше всего: ряды партнеров по переговорам, включая Россию и Китай, заметно консолидировались на почве неприятия ракетных и ядерных испытаний Северной Кореи.

И, по мнению северокорейцев, если раньше на шестисторонних переговорах преобладала довольно сложная расстановка сил: США и Япония занимали жесткую позицию, Россия и Китай - умеренную, а Южная Корея, периодически дрейфовала между этими двумя позициями, то теперь, в условиях наличия определенного стратегического согласия единого блока всех 5 партнеров Пхеньяна на шестисторонних переговорах, его положение становилось крайне невыгодным.

Видимо, поэтому Пхеньян в своих официальных заявлениях, опубликованных в начале 2009 г., утверждал, что возможность его возвращения за стол переговоров потребует, во-первых, обеспечения равноправия всех участников (иными словами, страна, находящаяся под прессом санкций, была бы поставлена в ущербное, зависимое положение по сравнению с другими партнерами) и, во-вторых, создания климата доверия между основными оппонентами, т.е. между КНДР и США¹³.

Об этом было заявлено спецпредставителю США по Северной Корее С.Босуорту, который в середине декабря 2009 г. посетил Пхеньян для консультаций. По логике северокорейцев, условием восстановления равноправия должна стать отмена или, по крайней мере, существенное ослабление международных рестрикций в отношении КНДР, поскольку в противном случае, если работа «шестисторонки» будет продолжена, то Пхеньян окажется один на «скамье подсудимых» перед лицом 5 «судей»¹⁴.

Что же касается другого требования, то главную причину всех неудач и провалов шестисторонних переговоров в Пхеньяне склонны видеть во враждебном отношении, постоянно демонстрируемом Вашингтоном. Соответственно, в КНДР исходят из того, что только заключением мирного договора, подводящего итоги Корейской войны 1950-53 гг., можно будет подвести черту под прошлым и создать благоприятные условия для ускорения процесса денуклеаризации «всего Корейского полуострова».

«БОЛЬШАЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ИГРА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Следует признать, что проводимая руководством КНДР внешнеполитическая линия никогда не была прямолинейной и «легко читаемой».

Многослойный характер подходов и практических действий по крупным международным вопросам был призван помочь малой стране, находящейся в сложном политическом окружении, искусно маневрировать в отношениях со своими более мощными и в большинстве недружественными соседями, обеспечивая защиту национальных интересов КНДР -

так как их понимают в Пхеньяне. Очевидно и то, что в решении вопросов, сопряженных с выживанием страны перед лицом внешних вызовов, северокорейская элита демонстрирует не просто примитивную изворотливость, но способность вести умелую, изощренную дипломатию, жертвуя при необходимости количеством, но не качеством.

Общепринятая на Западе оценка действий КНДР на мировой арене или, по крайней мере, в ядерных делах, сводится к тому, что эту политику формируют чуть ли не безумцы, а все поведение и конкретные шаги Пхеньяна носят непредсказуемый и иррациональный характер. И в этом, дескать, кроется причина всех неудач диалога с Пхеньяном, поскольку, мол, бесполезно и бессмысленно о чем-то договариваться с «сумасшедшим».

В этом расхожем штампе кроется полное непонимание ситуации, мотивов и скрытой логики поведения северокорейцев.

В самом деле, если посмотреть ретроспективно на развитие событий в течение последних нескольких лет, хотя бы с момента начала шестисторонних переговоров, то можно заметить, что Пхеньян стремился не играть в игры, а реализовать определенный план, добиться вполне конкретных, пусть и труднодостижимых, целей.

Главная стратегическая задача, которую неизменно пытались решить в Пхеньяне, - это обеспечение выживаемости. В это понятие включается следующее: гарантии безопасности страны против военного вторжения извне с применением или без применения ядерного оружия; сохранение существующих политических и экономических устоев; минимизация внешних или иных угроз для правящей элиты и обеспечение стабильности в стране; противодействие любым возможным попыткам подрыва или размывания северокорейского строя «мирными» методами.

Само перечисление этих целей показывает, что ядерная тема - это лишь одна составляющая стратегии Пхеньяна, в то время как для всех других стран, вовлеченных в корейские дела, именно ядерный вопрос является ключевым.

Северокорейцы считают, что именно КНДР наиболее уязвима

в регионе с точки зрения обеспечения безопасности, а в условиях наличия сильных «врагов», которые только ищут повод, чтобы разделаться с непокорным «государством-изгоем», этот вопрос становится реальным вызовом.

Они ссылаются на то, что все окружающие страны (Россия, Китай, США) либо располагают собственным ядерным оружием, либо находятся под прикрытием американского ядерного зонтика (Япония, Южная Корея). Не следует забывать и то, что Токио и Сеул связаны с США союзническими обязательствами, предусматривающими, в частности, развертывание на территории соответствующих стран американских воинских контингентов, в целях «защиты от агрессии». По мнению Пхеньяна, КНДР, которая после распада социалистического блока и развала Советского Союза больше не имеет военных союзников, находится по сравнению с другими сопредельными странами в ущербном положении, которое, если проецировать данную ситуацию на регион, можно назвать «вакуумом безопасности»¹⁵.

За два прошедших десятилетия предпринимались неоднократные попытки различными путями найти выход из этого тупика. Достаточно вспомнить Рамочное соглашение между КНДР и США 1994 г., деятельность Организации по содействию развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО), четырехсторонние переговоры с участием КНДР, РК, Китая и США. Все они, в конечном счете, потерпели провал, а степень внешней угрозы для КНДР в понимании лидеров этой страны не только не уменьшилась, но даже возросла, особенно в начальный период деятельности администрации Дж.Буша, который заявил о включении Северной Кореи в «ось зла», список стран, по которым может быть нанесен превентивный ядерный удар.

На фоне этих реальностей создание ядерного оружия и превращение в ядерную державу стало магистральной целью Пхеньяна, его неизменным политическим курсом. Именно поэтому КНДР на протяжении длительного периода времени неуклонно продвигалась по этому пути, вкладывала во имя решения этой задачи крупные финансовые, тех-

нические и людские ресурсы, и это при том, что страна голодала, испытывала недостаток во всем. Северокорейцы не считались и с серьезными рисками, включая опасность для окружающей среды, угрозу растущей изоляции со стороны международного сообщества, включая перспективу выработки всеохватывающих санкций в отношении КНДР.

Просчитанный «наверху» баланс приобретений и потерь убеждал северокорейских руководителей, что только при условии обладания ограниченным ядерным потенциалом - порядка 6-8 боеголовок позволит им «спать спокойно». Само по себе проведение двух ядерных испытаний в густонаселенных районах Восточной Азии - факт, не имеющих мировых прецедентов, уже свидетельствует о решимости КНДР идти «напролом», не считаясь с чьим бы то ни было мнением.

Действительно, в ядерных делах решения КНДР отличаются от других: это проявляется и в стратегических планах, и в вопросах тактики. В принципиальном отношении Пхеньян неизменно заявлял, что развивает ядерное оружие исключительно для самозащиты, поскольку подвергается угрозе нападения со стороны США, поэтому ядерный вопрос должен обсуждаться исключительно между этими двумя странами, без участия «третьего лишнего».

Однако вразрез с этими четкими установками в августе 2003 г. КНДР неожиданно для многих наблюдателей пошла на компромисс и согласилась участвовать в шестисторонних переговорах. Конечно, такое решение принималось под воздействием совокупности факторов: принципиального отказа администрации Дж.Буша в тот период от любых двусторонних контактов с КНДР под предлогом нежелания «поощрять ее плохое поведение»; посреднических усилий Москвы и Пекина и т.д.

Однако можно вспомнить и другое: весной того же года США вторглись в Ирак и за неполный месяц свергли режим Саддама Хусейна. Это, видимо, показало Пхеньяну, что если как можно быстрее не начать переговоры, то США из потенциальной угрозы превратятся в реальную, в то время как процесс создания «ядер-

ных сил сдерживания» был еще далек от своего завершения. Если эта версия справедлива, то именно под влиянием этих событий и был форсирован шестисторонний процесс, который с переменным успехом продолжался около 6 лет.

Пекинский диалог дал Пхеньяну немало: внушительную экономическую и энергетическую помощь; исключение из американских списков государств-спонсоров международного терроризма, а главное - как это ни парадоксально - выигрыш во времени для продвижения по пути наращивания ядерного потенциала: пока торг вокруг судьбы ядерного центра в Ненбене с проволочками и паузами продолжался, северокорейцы, похоже, смогли существенно нарастить потенциал своих ядерных взрывных устройств и продемонстрировать факт его наличия на деле.

Параллельно была решена и другая задача - фактически исчезла перспектива нападения на КНДР со стороны США. Вспомним: если Дж. Буш, испытывавший глубоко укоренившуюся неприязнь к северокорейскому режиму, до самого последнего момента утверждал, что все сценарии действий в отношении КНДР находятся у него «под рукой», то Б.Обама, судя по всему, реальных планов военного вторжения практически не строит. Более того, при нем Пентагон глубоко втянулся в обсуждение планов «стратегической гибкости» при использовании американского воинского контингента в Южной Корее, которыми предусматривается возможность переброски какой-то его части в Афганистан и Ирак в случае обострения ситуации на Среднем Востоке.

В итоге своих ракетно-ядерных экспериментов КНДР получила жесткие международные санкции, но это были хотя и неприятные, но, видимо, просчитанные издержки на фоне общего положительного баланса. Но при этом северокорейцы отыграли карту шестисторонних переговоров до конца, исчерпали с точки зрения своих интересов ресурс этого политического механизма и теперь предпочли бы отбросить его как ненужный отработанный хлам.

В этом смысле решение Пхеньяна о выходе из «шестисторон-

ки» носило стратегический характер. И дело не только в том, что он слишком громоздок, включает «разношерстный» состав участников, преследующих, порой, свои конъюнктурные интересы, и потому с трудом способен вырабатывать решения и уж тем более претворять их на практике¹⁶. Это, в конечном счете, вопрос организационно-технический, а не политический.

Образно говоря, за 6 лет работы в Пекине КНДР сделала свою игру, «сорвала банк», а возвращаться в разорившееся казино в то время сочла бесполезным.

Таким образом, если сравнивать эффективность действий сторон по реализации их «скрытой повестки», которые решались параллельно официальным задачам пекинского процесса, то Пхеньян продвинулся дальше своих оппонентов.

Достижение цели последних - приблизить смену режима в КНДР - и сегодня остается туманным.

БУДУЩЕЕ ШЕСТИСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРОВ

Каковы же шансы на успех нового раунда шестисторонних переговоров как диалогового механизма для решения ядерной проблемы и обеспечения денуклеаризации Кореи? Насколько жизнеспособной окажется данная переговорная структура, учитывая весь прошлый опыт, негативное отношение к ней со стороны Пхеньяна?

Вопрос непростой и однозначного ответа на него не существует.

Для понимания ситуации необходимо лишний раз повторить достаточно тривиальную истину. Какие бы комбинации не затевались в ходе пекинских шестисторонних переговоров и какими бы стройными не выглядели итоговые договоренности, по своему основному содержанию ядерная проблема на Корейском полуострове остается проявлением то затухающего, то разгорающегося с новой силой конфликта между КНДР и США, динамика которого и определяет развитие ситуации на протяжении длительного времени.

В Пхеньяне с уверенностью говорят, что лишь политическая воля со стороны Вашингтона и

двусторонние американо-северокорейские договоренности в принципе могут создать условия для отказа КНДР как от ядерного, так и от ракетного оружия, поэтому для запуска этого процесса нужен прямой политический диалог между двумя странами. При этом надо четко видеть главную цель северокорейцев - получение от США четких, недвусмысленных и не подлежащих пересмотру военных гарантий безопасности своей страны. (Политические декларации на этот счет или многосторонние гарантии безопасности по линии «шестисторонки» без конкретных обязательств северокорейцев не устраивают как недостаточные.)

Американцы втягиваться в переговоры по существу с Пхеньяном не хотят по понятным причинам: в таком случае пришлось бы признать, что США, мягко говоря, причастны к возникновению северокорейской ядерной проблемы, не говоря уже о том, что признание правомерности требований КНДР в области безопасности явно противоречило бы основополагающим принципам военной стратегии США.

Вместо этого звучат утверждения, что действия КНДР в ядерной области являются вызовом всему мировому сообществу, поэтому и ответ на него должен быть дан не в двустороннем, а в международном формате. К этой аргументации весьма восприимчиво большинство стран, причем не только союзники США, но также Китай и Россия, которые, втянувшись в диалоговый процесс, и затратив на это немалые средства и политические усилия, уже не могут, хотя бы по престижным соображениям, отказаться от дальнейшего участия в нем.

И последнее соображение, иллюстрирующее мысль о том, что ожидаемые дебаты будут трудными и жесткими.

Согласно заявлению северокорейского агентства ЦТАК от 19 февраля с.г. КНДР не намерена отказываться от своей ядерной программы в обмен на экономическую помощь. Как отмечается в документе, республика создавала атомное оружие для самообороны, а не для запугивания кого-либо или получения экономических выгод или компенсаций. Далее подчеркивается, что пока США не прекратят свою

враждебную политику и ядерные угрозы в адрес КНДР, последняя не откажется от своей ядерной программы, «даже если земля расколется».

Конечно, к этим словам можно относиться по-разному: воспринимать их как очередную попытку Пхеньяна оказать давление на партнеров, но можно рассматривать их и как индикатор его решимости до конца отстаивать позиции, которые он считает принципиально важными с точки зрения интересов безопасности страны.

¹ Официальный сайт МИД РФ. Комментарий официального представителя МИД России. 10.07.2010 - www.mid.ru/brp_4.nsf/0/2F0B2617943F993FC325775C002A4F41

² Официальный сайт Госдепартамента США. US Department of State. Philip J. Crowley, Assistant Secretary Daily Press Briefing. 23.07.2010 - www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2010/07/145102.htm

³ Ким Чжон Пхиль. Япония - главный виновник провала шестисторонних переговоров // Минчжу Чосон (Пхеньян), 28.04.2009.

⁴ Glionna John M. and Park Ju-min. Many in South Korea say North is just crying wolf. The Los Angeles Times 19.02.2009.

⁵ Еще одно подземное ядерное испытание прошло успешно. ЦТАК, 25.05.2009.

⁶ N.Korea in Final Uranium Enrichment Stage. 4.09.2009 - www.edition.cnn.com/2009/WORLD/asiapcf/09/03/nkorea.nuclear/index.html

⁷ Choe Sang-hun. North Korean Leader Dying of Cancer, Broadcaster Says. Reuters, 13.07.2009.

⁸ North Korean Harder Line Linked to Leader's Illness: Expert. Agence France-Presse, 05.02.2009.

⁹ Obama Administration Puts Low Priority on DRPK. Chosun Ilbo (Seoul), 13.01.2009.

¹⁰ Представитель МИД КНДР подчеркнул, что во враждебной политике США по отношению к КНДР нет ни малейших изменений. ЦТАК, 8.05.2009.

¹¹ Ким Хе Сон. Скрытый замысел создания восточноазиатского НАТО. Нодон синмун (Пхеньян), 20.04.2009.

¹² Aid to N. Korea 'Depends on Nuclear Verification'. Chosun Ilbo, 9.12.2008.

¹³ Пресс-заявление представителя МИД КНДР 18 января 2010 г., Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в РФ, 18.01.2010.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вздорная теория «цепной реакции» ядерного распространения. Нодон синмун, 27.07.2009.

¹⁶ Заявление представителя МИД КНДР. ЦТАК, 27.09.2009.